

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2025-4-70-84

EDN: GNJGQD

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Старун М. И.* Половая свобода и защита женщин: трудности ранне-советской уголовной кодификации // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 4(71). С. 70–84. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-4-70-84. EDN: GNJGQD



## ПОЛОВАЯ СВОБОДА И ЗАЩИТА ЖЕНЩИН: ТРУДНОСТИ РАННЕСОВЕТСКОЙ УГОЛОВНОЙ КОДИФИКАЦИИ<sup>1</sup>

**М. И. Старун**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

mstarun@hse.ru

Researcher ID: A-5165-2019

SPIN-код: 9345-0101

Исследуется процесс раннесоветской уголовной кодификации раздела о половых преступлениях, при создании которого большевистские правоведы стремились к установлению равенства мужчин и женщин. В исследовании последовательно демонстрируются этапы разработки кодекса 1922 г., начиная с первого эсеровского проекта и заканчивая редакцией Уголовного кодекса 1926 г. Подробный анализ этого процесса доказывает, что создание кодекса не было однолинейным: законодатели изначально не стремились к установлению понятия половых свобод и к гендерной нейтральности статей. Этот уголовный канон рождался только в процессе многократных обсуждений на разном уровне – от демократически организованных юридических съездов до заседаний Совета народных комиссаров (СНК). В исследовании также обосновывается, что, несмотря на все прогрессивные устремления законодателей, кодекс сохранил патерналистский подход к защите женщин, рассматривая их как особую категорию, нуждающуюся в государственной опеке. Авторы проекта продолжали представлять изнасилование как поворотную точку в судьбе женщины и включили в кодекс отдельную статью, криминализирующую принуждение исключительно женщин к половой связи со стороны лиц, от которых они зависели материально или по службе. При этом защита женщин все же мотивировалась идеями половой свободы, а не традиционными религиозными или брачными нормами, характерными для дореволюционного уголовного права. Из-за новизны эти нормы в области половых преступлений были недостаточно проработаны с точки зрения юридической техники, однако способствовали изменению в процедурах доказывания, а также, безусловно, расширили доступ к правосудию для широкого круга лиц, независимо от их гендерной или брачной принадлежности.

*Ключевые слова:* советское право, Уголовный кодекс, РСФСР, кодификация, революция, гендер, половая свобода, история женщин, половые преступления.

### Введение

Сразу после Октябрьской революции перед советской юстицией была поставлена задача кодификации – создание принципиально новых кодексов, демонстрирующих ценности большевистского правительства, в том числе равенство мужчин и женщин. В уголовном праве эти изменения особенно ярко проявились в трактовке половых преступлений, где, согласно классической юридической теории, жертвами традиционно считались женщины, а преступниками – мужчины. Подробный анализ этапов кодификации показал, что в процессе создания кодекса законодатели отошли от традиционного понимания половых преступлений как посягательств на нравственность или женскую честь, перейдя к новой концепции – защите универсальной половой свободы. При этом создание кодекса не было однолинейным: судя по имеющимся документам, законодатели не стремились изначально к установлению понятия половых свобод и к гендерной нейтральности статей. Этот уголовный канон рождался в процессе многократных

обсуждений на разном уровне – от демократически организованных юридических съездов до заседаний СНК. В статье будет продемонстрирован этот постепенный и противоречивый переход к новым категориям в понимании половых отношений.

Под половыми преступлениями против женщин в данной статье имеются в виду те, которые касались половой свободы личности (изнасилование, развращение, половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости)<sup>2</sup>. Все перечисленные преступления входили в раздел половых преступлений по Уголовному кодексу (УК) 1922 г. наряду с проституцией. Последняя исключена из настоящего анализа, так как в этот период по-прежнему считалась общественной проблемой, социальной болезнью, а не результатом чьего-то свободного выбора. К тому же кодификация и интерпретация сводничества заслуживают отдельного исследования<sup>3</sup>. Преступления против несовершеннолетних включены в анализ, потому что в советском праве существовало два критерия для определения взросления – совершеннолетие и половая зрелость. Под последней понималось половое созревание, которое, по словам советских экспертов (Лейбович, 1928, с. 9), могло произойти с девушкой и в 14 лет. Это позволяло снимать уголовную ответственность с обвиняемого и рассматривать жертву как взрослую женщину, а не как ребенка.

В историографии исследователи обращали внимание и на резкие трансформации советского права в 1920-е гг. [Rendle, 2020; Solomon, 1982] и на сексуальную революцию 1920-х гг. [Здравомыслова, 2017; Марков, 2005 и др.]. Современные правоведы активно изучают половые преступления, их историю и разные интерпретации [Стетюха, 2016; Полный курс..., 2008], при этом детализации процесса кодификации советского права в сфере сексуальных свобод, в отличие от имперского периода, в историографии еще не было предпринято<sup>4</sup> [Энгельштейн, 1996; Muravyeva, 2014]. Исследователь права Питер Джувилер показал ограничения половых свобод в позднесоветский период и сделал вывод о том, что наиболее консервативные подходы брежневских юристов в интерпретации женской половой свободы имеют свои корни в ранне-советских кодексах [Juviler, 1977]. Однако это противоречит действительности, так как спектр сексуального поведения, который контролировался кодексами в 1920-е гг., был наименьшим и наиболее гендерно нейтральным за всю историю российского права<sup>5</sup>.

В таком случае правовые трансформации первого десятилетия советской власти можно интерпретировать как очередную волну реформ, во многом аналогичную Великим реформам XIX в. Последний период Татьяна Борисова и Джейн Бербэнк назвали странным исключением из траектории развития права в России [Borisova, Burbank, 2018, p. 505], однако 1920-е гг. во многом повторяют его достижения, хоть и в более короткий промежуток времени. В результате кодификации был провозглашен ряд новых свобод, а сам суд включал в себя народных заседателей, представлявших рядовых граждан советского общества. При этом мы не стремимся доказать единообразие или совершенство правовой политики на протяжении 1920-х гг. Во-первых, само принятие кодекса было конфликтным и несамоочевидным<sup>6</sup>. Во-вторых, представления о половых преступлениях по-прежнему сохраняли ряд консервативных черт. В-третьих, раздел о половых преступлениях менялся на протяжении 1920-х гг. После группового изнасилования в Чубаровом переулке в 1926 г. усилилась правовая кампания по контекстуализации изнасилования как хулиганства [Naiman, 1990], которую советские юристы оценивали по-разному. Подход к половым свободам в 1930-е гг. постепенно трансформировался в сторону ужесточения, хотя радикальное изменение нормы об изнасиловании произошло только в УК 1960 г., когда его жертвой начало предполагаться только лицо женского пола.

В статье мы продемонстрируем, что после революции большевики дали однозначный ответ на существующие в имперской России сложности в доказывании вины и доминировании мизогинных представлений о насилии против женщин [Muravyeva, 2011; Oberländer, 2011]. В своем понимании половых преступлений они отказались от преступлений против брачного порядка, кровосмешения и т.д. Однако стремление к утверждению половой свободы встречало другую задачу правительства – защиту женщин. В статье исследуется, как две эти тенденции взаимодействовали во время процесса кодификации.

Для начала рассмотрим некоторые аспекты последнего дореволюционного кодекса – Уголовного уложения 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.). Именно на него в интересующем нас

разделе преступлений против личности ориентировались советские юристы. Далее последовательно будут рассмотрены военно-уголовное законодательство о половых преступлениях, несколько проектов первого уголовного кодекса – от эсеровского проекта до финальной версии, а также интерпретации этих статей юристами после публикации УК в 1922 г. Половая неприкосновенность была провозглашена правом советской женщины любого класса и статуса. На практике это право совсем не всегда было реализовано, но появление этих статей в УК однозначно увеличило нормативные возможности судебных органов в обеспечении сексуальной безопасности в РСФСР.

### **Имперское наследие**

В действующем до 1917 г. Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение о наказаниях 1845 г.) половые преступления встречались в нескольких разных главах – о преступлениях против общественной нравственности, против чести и целомудрия женщин, а также против прав семейственных (Уложение о наказаниях..., 1867). Как указывает Марианна Муравьева, государство защищало от насильственных посягательств прежде всего благочиние, брак и женскую честь, а не личность [Muravyeva, 2014, р. 38]. Уложение о наказаниях 1845 г. вызвало активную критику юристов, которые предлагали сгруппировать все половые преступления в одну главу, которая уже в проекте редакционной комиссии 1897 г. получила название «О непотребстве», которая с таким же названием вошла в Уложение 1903 г.<sup>7</sup>

Половые преступления рассматривались как преступления против личности, а не против общественной морали или религии, как было ранее [Ibid., р. 41]. В Уложении 1903 г. вместо контроля за поведением женщины и сохранением патриархальной семьи в статье об изнасиловании предполагалось, что закон охраняет физическую и психическую неприкосновенность женщины. Список видов контролируемого сексуального поведения был уже сокращен; скотоложство было ликвидировано как уголовное правонарушение. При этом, как отмечает Муравьева, понятие непотребства обычно означало секс с проституткой, поэтому общее название главы вызывало критику, как и то, что в нее было объединено множество разнородных преступлений [Ibid.]. Лора Энгельштейн в своем анализе Уложения 1903 г. также с критикой отозвалась о названии главы, подразумевавшем коннотации нравственности и ее охранения, несмотря на личную направленность этих преступлений [Энгельштейн, 1996, с. 49].

В проекте кодекса вместо понятие «изнасилование» использовалось «совокупление с применением силы», тогда как в финальную версию вошло лишь более нейтральное понятие «любодеяние» (совокупление). Как отмечает Муравьева, слово изнасилование ни разу не упоминалось ни в каких версиях кодекса, что было шагом назад по сравнению даже с предшествующими нормами. Фокус кодекса, как заключает она, был сосредоточен не на защите личности, а на ограничении сексуальных желаний. Кроме того, кодекс по-прежнему рассматривал женщин как вынужденных самих защищать собственное целомудрие и быть ответственными за свою безопасность [Muravyeva, 2014, р. 44]. Таким образом, проект кодекса, несмотря на его научный, медиализированный язык, продолжал оставаться в рамках традиционной концепции сексуальности и делать акцент на девственности и детстве. В статьях также была использована возрастная классификация, в соответствии с которой определялась ответственность за свою сексуальную жизнь. Необходимость охраны детства сталкивалась с необходимостью установить понятные пределы между безусловной невинностью девочки и возможной распущенностью молодой девушки.

Однако, несмотря на все достижения и недостатки Уложения, раздел о половых преступлениях так и не вошел в силу на большей части Российской империи, за исключением статей о проституции [Полный курс..., 2008, с. 473–474]. Полностью, хотя и с небольшими изменениями, Уложение 1903 г. начало действовать на территориях бывших Виленской, Курляндской, Лифляндской губерний и Царства Польского в результате политики германских оккупационных властей [Звонарев, 2020, с. 104]. Действующие на территории будущей РСФСР кодексы продолжали рассматривать половые преступления как нарушения общественного порядка, а не как преступления против половой свободы. Даже значительно более либеральное Уложение

1903 г. продолжало делать особый акцент на девственности и возлагать на женщин ответственность за их сексуальную безопасность.

### Отсутствие составов и военно-уголовное законодательство

После февральской революции Временное правительство учредило Комиссию по рассмотрению Уголовного уложения, но ее работа не привела к каким-либо значимым результатам. В результате прихода социалистов к власти запрос на кодификацию не исчез, но правовая политика нового государства первоначально выражалась в издании многочисленных декретов и постановлений. До 1922 г. интерпретация нового законодательства была отдана на откуп судам в рамках революционного правотворчества. Некоторые правовые нормы исходили снизу, но к 1922 г. с выпуском кодексов закон стал по большей части государственным делом, к чему большевики сознательно стремились [Швеков, 1970]. Первым прообразом УК стали Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г., где содержались понятия преступления и уголовного закона, но не было деталей об отдельных преступлениях и мер взысканий по ним (Руководящие начала..., 1919). На основе Декрета о суде № 3 от 13 июля 1918 г. изнасилования и другие преступления, среди которых были названы посягательства на человеческую жизнь, разбой, бандитизм, подделка денежных знаков, взяточничество и спекуляции, были изъяты из подсудности народных судов и переданы народным окружным судам, стоящим выше в судебной иерархии.

В Положении о революционных трибуналах в ноябре 1919 г. была уточнена подсудность трибуналов и были классифицированы преступления военнослужащих (Положение о революционных..., 1919). Сразу за разделом с контрреволюционными преступлениями следовали общеуголовные преступления, совершаемыми военнослужащими. Изнасилования были упомянуты сразу после мародерства и посягательства на человеческую жизнь. Эта группа преступлений также включала в себя поджоги, спекуляции, подделку денежных знаков, т.е. наиболее характерные для военного периода общеуголовные преступления<sup>8</sup>. Более того, изнасилование рассматривалось как отягчающее преступление в части массовых преступлений, характерных для вооруженных конфликтов. Так, по амнистии от 23 февраля 1919 г. получали освобождение те, кто не совершил этого преступления вкупе с другими [Rendle, 2020, p. 201]. В условиях Гражданской войны общеуголовные преступления вроде убийства или изнасилования входили в повседневность военных конфликтов и были чрезвычайно распространены<sup>9</sup>. Поэтому исследователи отмечают, что военно-уголовное законодательство в этот период идет дальше общеуголовного в нормировании общеуголовных преступлений [Герцензон и др., 1948, с. 224], в том числе изнасилований.

Судебная практика в условиях революционной законности также продолжала оставаться чрезвычайно неопределенной. В Народный комиссариат юстиции (НКЮ) поступали запросы с мест, требующие прояснить отдельные процессуальные детали. Так, в январе 1921 г. в ответ на запрос из Кубанско-Черноморской области о возбуждении дел об изнасиловании коллегией НКЮ было решено, что общим правилом является необходимость жалобы потерпевшей. Такое «общее правило» в целом повторяло дореволюционный подход к подобным разбирательствам, когда заявление об изнасиловании (как и сегодня) считалось позорящим действием, на публичное разбирательство которого необходимо было получить согласие в виде заявления потерпевшей. Однако наличие общего правила предполагало и выход за его пределы. Во-первых, по возрасту – коллегия НКЮ также постановила, что «в отношении лиц женского рода, еще не достигших брачного совершеннолетия, возбуждение дел об изнасиловании и растлении представляется также органам власти и всем гражданам». Во-вторых, по «местному обычаю» – «туземное население» Кавказа и Крыма могло понизить возраст женского совершеннолетия, заручившись согласием своего Губисполкома (ГАРФ. А-353. Оп. 4. Д. 1. Л. 71). До публикации кодекса суд работал на основе таких локально изменчивых общих правил, что, впрочем, было характерно и для законодательства Российской империи<sup>10</sup>.

Несмотря на то что преступлениям против личности уделено мало внимания в декретах 1917–1921 гг. [Швеков, 1970, с. 97–99], их упоминание в ряде ключевых документов говорит о

важности половых преступлений в воображаемой, но все еще материально отсутствующей правовой структуре социалистической законности с самого начала строительства советского государства. До принятия Уголовного кодекса 1922 г. у изнасилования не было четкого определения состава и критериев для вынесения санкций. В этой неопределенности на местах продолжали ссылаться на имперское уложение<sup>11</sup> (Материалы Народного..., 1921b, с. 73; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 9. Д. 486. Л. 2). При этом изнасилование было единственным половым преступлением, упоминаемым в декретах. Военное положение только усиливало внимание государства к изнасилованиям, являвшимся тогда массовыми преступлениями, что требовало действительной и срочной защиты женщин со стороны государства. Возможно, именно это военизированное насилие послужило причиной того, что впоследствии в советской уголовной теории избежались от излишне нейтрального понятия «любодеяние», предпочитая понятие, напрямую подразумевающее агрессию в адрес личности, – изнасилование.

### Эсеровское уложение

Стремление систематизировать законодательство обнаруживалось у руководства Советской России уже в первые месяцы после революции. В состав этого руководства до весны 1918 г. входили в том числе левые эсеры. Представитель партии Исаак Штейнберг, будучи наркомом юстиции, инициировал множество процессуальных ограничений для начавшегося революционного насилия. Результатом деятельности коалиционного правительства стал также проект Уголовного уложения 1918 г. (далее – Уложение 1918 г.) Этот кодекс во многом повторял Уложение 1903 г. и вызвал критику большевиков сразу по нескольким параметрам: в объяснительной записке целью права названо достижение мира, а не классовая борьба; провозглашен примат права, а не государства. Также большевики были недовольны недостаточной проработкой статей Уложения 1903 г. с точки зрения революционного правосознания [Швеков, 1970, с. 106–114]. П. Стучка подчеркивал: «пролетарская революция обязывает к творчеству», а новое право должно следовать меняющимся условиям жизни и быть понятным населению (Стучка, 1918, с. 3–4). Эсеры, ответственные за кодификацию, наоборот, представляли принятие этого кодекса как долгожданный революционный результат, так как царское правительство считало Уложение 1903 г. слишком радикальным (Советское уголовное уложение, 2015).

Не касаясь принципиальных для большевиков пунктов общего функционирования уголовного права (понятие преступления, роль государства, варианты санкций), в особенной части проекта действительно были сохранены большинство статей уложения: формулировки статей 342 из 378 в части описания преступлений совпадали, хотя число статей было существенно сокращено. Преступления против личности в проекте Уложения 1918 г. находились в четвертом разделе, в девятнадцатой главе «О непотребстве», которая практически полностью повторяла одноименный раздел из Уложения 1903 г. Она по-прежнему сохраняла статьи о мужеложестве и кровосмешении, в итоге не включенные в кодексы 1920-х гг.<sup>12</sup>

Несмотря на общий гуманистический пафос объяснительный записки и стремление защищать прежде всего права человека, недостатки Уложения 1903 г. в части половых преступлений не были упразднены, хотя и был намечен некоторый прогресс. Например, санкции за «любоэротические действия» против несовершеннолетних детей обоего пола были ужесточены с трех до восьми лет. Любодеяния с ребенком карались в обоих уложениях до 10 лет заключения. Санкция за любодеяние с девушкой от 14 до 16 лет тоже была конкретизирована, а не оставлена на рассмотрение судей – до 2 лет. Новое Уложение 1918 г. еще больше ориентировалось на охрану детства.

Кроме того, частичная гендерная нейтральность была добавлена в статью о сводничестве (ст. 224 Уложения 1918 г. / ст. 527 Уложения 1903 г. – далее в такой последовательности), где вместо виновного «лица мужского пола» в эсеровском проекте была удалена половая принадлежность, хотя объектом преступления продолжала оставаться женщина. В частях статей о любодеянии (изнасиловании) в адрес совершеннолетних в Уложении 1918 г. (ст. 217, ч. 2 и 3 и ст. 219, ч. 2 и 3) в качестве жертвы была названа только женщина, как и в Уложении 1903 г. В целом раздел стал менее медиализированным. Из статьи о сводничестве исчезло упоминание

девственности (ст. 221 / ст. 524), хотя вся терминология была сосредоточена вокруг все тех же нейтральных понятий «любоострастие» и «любодеяние». Некоторые статьи, только уточняющие или повторяющие квалифицирующие признаки уже упомянутых преступлений, были вычеркнуты (ст. 515, 517, 519 Уложения 1903 г.) и включены в другие статьи. Например, в кодексе сохранилась криминализация властных отношений над жертвой насилия любого возраста и пола как признак, способствующий ужесточению санкции (ст. 220 / ст. 523). Несмотря на то что статьи о кровосмешении были сокращены (ст. 216 / ст. 518), а также некоторые связанные с этим преступлением квалифицирующие признаки удалены, криминализация этого деяния, следуя европейской традиции, сохранилась.

Данное уложение не было принято и подвергнуто активной критике в печати, однако работа над кодификацией советских законов продолжилась. Первое советское уложение за авторством эсеров по большей части повторяло Уложение 1903 г., хотя и упразднило некоторые излишне медикализированные сюжеты и в отдельных случаях делало статьи более гендерно нейтральными. При этом половая свобода женщин не вытекала из кодекса напрямую, так как предполагала их ответственность за свое поведение. С другой стороны, в Уложении 1918 г. вместо неопределенного понятия половой зрелости был указан конкретный возраст, что должно было серьезно упростить судебные разбирательства, не включая в них сложно доказываемую гинекологическую экспертизу по установлению этой самой зрелости.

### Создание Уголовного кодекса 1922 г.

Как свидетельствует советский историк уголовного права Г. В. Швеков, до сегодняшнего дня не сохранилось большинства документов о деталях обсуждений первого советского УК. Если по общей части остались некоторые материалы, то по особенной части, где перечислены статьи и санкции, они отсутствуют [Швеков, 1970, с. 124]. Несмотря на отсутствие материалов с обсуждениями, исследователям доступны результаты этих обсуждений – несколько проектов классификаций преступлений и самих УК, предлагавшихся Наркоматом юстиции.

После неудачной попытки создать уложение в 1918 г., разработка уголовного кодекса продолжилась и заняла несколько лет [Соломон, 2008, с. 25; Швеков, 1970]. В начале 1919 г. нарком юстиции Д. И. Курский предложил первую систематизацию преступлений для будущего УК. В его проекте первыми были названы «Преступления против личности». Среди них были перечислены посягательства на жизнь, причинение ран и увечий, а также третьим пунктом значилось «Изнасилование. Разбой». В целом этот список повторял набор общеуголовных преступлений, совершаемых военнослужащими и подлежащих рассмотрению в ревтрибуналах. Преступления против правительства представляли уже следующий раздел (Курский, 1919, с. 24). Правовой приоритет в этом проекте был отдан преступлениям против личности, а не борьбе с контрреволюцией. Но это было временным решением, хотя сам факт приоритетности преступлений против личности обращает на себя внимание.

В годы активного ведения Гражданской войны разработка кодекса была приостановлена, однако весной 1920 г. Наркомат юстиции поручил Мечиславу Козловскому, члену коллегии НКЮ, вынести на обсуждение новый план УК [Швеков, 1970, с. 126]. В июне 1920 г. на III Съезде деятелей юстиции он выступил с речью и обозначил план наркомата по структуре уголовного кодекса, в котором уже не первым, а последним разделом значились «преступления против жизни и здоровья» (Материалы Народного..., 1921b, с. 74). Помимо стенограммы с речью Козловского, в ГАРФ сохранилась схема преступных деяний проекта разделов кодекса на момент июня 1920 г. Преступления против личности делились на следующие: 1) лишение жизни; 2) телесное повреждение и насилие над личностью; 3) оставление в опасности; 4) преступления против нравственности; 5) оскорбление (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 2. Л. 105–105 об.). Под понятием «нравственность» здесь могло иметься в виду нравственное достоинство человека, которое будет закономерно входить в понятие половой свободы (Френкель, 1926, с. 3). Однако в черновом варианте Козловский в схеме преступлений сначала напечатал «посягательства на женскую честь», потом зачеркнул и исправил от руки на «преступления против нравственности (посягательства на женскую честь, мужеложство и т.д.)» (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4.

Д. 301. Л. 6). Такой выбор формулировок говорит о том, что в первоначальных проектах большевики продолжали использовать понятия, характерные даже не для Уложения 1903 г., а для более раннего и консервативного законодательства. С другой стороны, хотя понятия нравственности, женской чести, мужеложства и принадлежали старой правовой системе, они уже подразумевали прежде всего защиту личности.

Еще одним доказательством следования традиции в работе с половыми преступлениями может служить статья юриста Виктора Рафаиловича Якубсона «Уголовная репрессия в первые годы революции». На основе нескольких десятков тысяч личных карточек заключенных в 1919 и 1920 гг. он составил таблицу о пестроте наказаний в эти годы и подчеркнул необходимость скорейшего издания уголовного кодекса. В его таблице интересующая нас группа преступлений названа «Преступления против нравственности»<sup>13</sup>. В отличие от схемы преступных деяний Козловского, здесь преступления против нравственности не входили в раздел преступлений против личности. Так, несмотря на активную критику эсеровского уложения за воспроизведение имперских норм, первоначальные большевистские проекты не отличались какими-либо новациями в сфере половых преступлений и по-прежнему рассматривали объектом половых преступлений нравственность, а не половую свободу. Кроме того, в отсутствие установленного перечня преступлений использование понятия «нравственность» преобладало в том числе среди экспертов.

В проекте особенной части УК РСФСР, выработанном коллективом ученых из Особой комиссии при Общеконсультационном отделе НКЮ в конце 1920 – начале 1921 г., половые преступления также входили в раздел преступлений против нравственности [Швеков, 1970, с. 135]. Данный документ отличался тем, что в нем отсутствовали точные составы преступлений, была дана только ориентировочная информация. Предел санкций также не был установлен. В этом проекте по-прежнему использовалось понятие «любодеяние», а не «изнасилование». Оно каралось в случае, если было совершено по отношению к ребенку до 14 лет, к психически больному лицу или к находящемуся в бессознательном состоянии. В соответствии с кодексом каралось также любодеяние, совершенное «посредством насилия или угрозы убийством, или тяжким телесным повреждением угрожаемой или члену ее семьи» (Материалы Народного..., 1921а, с. 51). Здесь в статье появилось гендерное измерение, менее характерное для будущего советского УК, где основным наименованием объекта преступления является нейтральное «лицо». Кроме того, в данном проекте кодекса были по-прежнему криминализованы мужеложство и кровосмешение. Институт советского права в результате посчитал этот проект устаревшим (Там же, с. 136).

В конце 1921 г. был опубликован первый полноценный, включающий общую и особенную части проект Уголовного кодекса, который был вынесен для обсуждения на IV Съезде деятелей юстиции. Историк права Н. Ю. Дурманов заметил, что многие статьи воспроизводили отдельные декреты без необходимой переработки, а также делали акцент на личности преступника, а не на формулировке виновности [Дурманов, 1947, с. 31]. Интересующий нас раздел назывался по-новому – «Преступления против половой нравственности», тем самым делая еще более очевидным переход от общественной нравственности к личной<sup>14</sup> (Уголовный кодекс РСФСР, 1922а). Статьи о мужеложстве и кровосмешении в этом проекте кодекса отсутствовали, хотя именно в нем вместо критерия возраста был впервые использован критерий половой зрелости, который, как упоминалось выше, был весьма проблематичен для судебного разбирательства. Критерий половой зрелости сохранится в статье о растлении во всех советских УК.

После обсуждения на IV Съезде деятелей юстиции комиссия НКЮ переименовала данный раздел в «Преступления в области половых отношений». Несмотря на этот прогресс, в раздел была добавлена статья, криминализующая кровосмешение (Уголовный кодекс РСФСР, 1922b, с. 29–30; Почтовый ящик, 1922, с. 15). На сегодняшний день не сохранилось материалов, содержащих дискуссии во время съезда и последующих заседаний в НКЮ, поэтому неясно, что послужило причиной появления этой статьи. В итоговую версию кодекса она не войдет. Так, отдельные достижения в понимании половой свободы и половых преступлений постоянно сопровождались разного рода отступлениями.

Единственным оставшимся свидетельством дискуссий по вопросу половых преступлений было высказывание украинского юриста Морица Марковича Гродзинского на IV Съезде деятелей юстиции. По поводу проекта УК он заявил, что «в нашем кодексе есть много старого и именно в этой новизне есть много старого, например, преступление против половой нравственности, растление». Эта статья<sup>15</sup>, продолжил он, была нужной, но при этом являлась «подкреплением законодательством старого положения, что женщина должна войти в брак невинной». Несмотря на двойное значение понятия растления в русском языке – лишение девственности и вовлечение несовершеннолетних в действия сексуального характера, среди юристов доминировало представление об анатомическом характере растления. Гродзинский подверг критике использование понятия растления именно с этой точки зрения. Еще одним аргументом юриста было то, что в таком случае вовлечение детей обоего пола в однополые отношения будет менее наказуемо, чем в разнополые, тогда как оба случая являются особо тяжелым нарушением (Материалы Народного..., 1922, с. 25). В этом сказывалось его недовольство классической терминологией половых преступлений и фетишизацией девственности как предмета заботы государства и обязательного элемента следствия. Вообще вклад юристов УССР, которую и представлял Гродзинский, особенно отмечался во время работы съезда [Дурманов, 1947, с. 30].

После съезда работа по редакции УК была возложена на специальную комиссию из пяти человек, окончательной редактурой занимались Н. В. Крыленко, Л. А. Саврасов и Н. А. Черлюнчакевич<sup>16</sup>. Примерно к середине марта 1922 г. проект был издан и направлен в СНК и на III сессию ВЦИК IX созыва. Предположительно в результате критики Гродзинского и последующей работы комиссии во втором проекте УК в статье о несовершеннолетних растление перестало играть ключевую роль. В новой формулировке растление было лишь одним из несколькихотягающих факторов<sup>17</sup>. Как советские юристы, так и историки права отмечали поразительное несоответствие между максимальными сроками по этой статье – 4 года, и за одно лишь половое сношение, являющееся более тяжелым преступлением, – 3 года. Возможно, это объясняется тем, что во втором проекте статья имела много разнообразных квалифицирующих признаков. В результате за действия извращенного характера можно было получить больший срок, чем за половое сношение с несовершеннолетним. В этом заключалось еще одно отличие большевистского кодекса от своих предшественников.

В УК 1926 г. часть этой проблемы была устранена: теперь развращение и иные действия сексуального характера закономерно карались мягче, чем половое сношение. Однако сложности в интерпретации половой зрелости не были устранены, снова было повторено, что развращение квалифицируется в соответствии с возрастом, а половое сношение – со зрелостью. Что характерно, такое соотношение повторится и в УК 1960 г. Учитывая, что в Уложении 1903 г. была использована сложная категоризация возрастов согласия, советский кодекс ее значительно упрощал, но сохранял одновременно и легалистский критерий (возраст совершеннолетия) и биологизаторский (достижение половой зрелости). Последний критерий был обусловлен тем, что у девушек половая зрелость может наступить раньше, чем совершеннолетие, что предполагало большую ответственность девушек за свое поведение (Лейбович, 1928, с. 36). Так, большевики, пытаясь переработать сложную классификацию возрастов, не смогли избавиться от медиализирующего дискурса эпохи.

Второй проект УК основательно обсуждался на III сессии ВЦИК IX созыва. По инициативе Д. И. Курского была избрана специальная комиссия из 14 человек, которая в течение недели пересматривала кодекс [Швеков, 1970, с. 154]. В результате обсуждения к статье проекта, устанавливающей ответственность за изнасилование с мерой наказания не ниже трех лет, комиссия добавила квалифицирующий, т.е. отягчающий, признак – «если изнасилование имело своим последствием самоубийство потерпевшего лица, то наказание повышается на срок не ниже пяти лет» [Там же, с. 158]. Этот признак вводил новый состав преступления. Впоследствии эту часть статьи будут критиковать за несоответствие данным по самоубийствам: изнасилование как причину самоубийства практически невозможно было процессуально установить и, соответственно, статистически идентифицировать (Френкель, 1927). Однако ассоциация между изнасилованием и самоубийством была вполне популярной и соответствовала классиче-



скому нарративу об изнасиловании как поворотной трагической точке в судьбе женщины, после которой невозможна нормальная честная жизнь [Oberländer, 2011]. Такая консервативная интерпретация изнасилования сопровождала прогрессивное видение половых свобод.

Несмотря на появление во втором проекте УК 1922 г. статьи о кровосмешении, ВЦИК и его комиссии на последнем этапе обсуждения поинтересовались, чем вызвана необходимость этой статьи, и Курский объяснил, что она обусловлена стремлением не допустить «вырождения человеческой расы» и «ввести кару в тех случаях, когда нарушаются интересы евгеники» (III сессия ВЦИК..., 1923, с. 9). В ответ Д. Б. Рязанов<sup>18</sup> заметил, что в этом отношении лучше больше доверять общественному мнению, чем евгенике, и статью было решено выбросить. В итоговой версии раздел о половых преступлениях состоял всего из шести статей.

Что касается статьи об изнасилованиях (ст. 169), то новацией кодекса, характерной уже для первого полноценного проекта, была формулировка о физическом или психическом насилии, которые делают половое сношение изнасилованием. Оба вида насилия упоминались также в ст. 184. о разбое, являвшимся имущественным преступлением. Создается впечатление, что родство между изнасилованием и разбоем сохранилось с постановлений о ревтрибуналах и первых проектов классификаций. Учитывая, что ранее основным способом доказательства изнасилования были физические повреждения, упоминание психического насилия, наравне с физическим, было важным достижением советского права. В Уложении 1903 г. использовалась формулировка «с лишенной возможности оказать виновному сопротивление, без ее на злободневные согласия», т.е. фокус был сделан на сопротивляющуюся жертву, а не на автора насилия. Теперь позиция жертвы могла быть доказана и без помощи судмедэксперта и его анализа девственной плевы. При этом понятие психического насилия будет постоянно вызывать споры юристов (Жижиленко, Оршанский, 1927, с. 25) и приведет к изменению этой формулы в Уголовном кодексе 1926 г. на «угрозы, запугивания или с использованием, путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица» (Уголовный кодекс РСФСР, 1926). В объяснительной записке к УК 1926 г. было указано, что комиссия специально стремилась заменить «неясную редакцию» более широкой и понятной (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 27. Д. 58. Л. 76 об.). В кодексе 1926 г. также были увеличены максимальные сроки заключения – с трех до пяти лет за изнасилование и до 8 лет за изнасилование, повлекшее самоубийство.

Еще одним достоинством Уголовного кодекса была его гендерная нейтральность в разделе половых преступлений, за исключением статьи о сводничестве (ст. 171), которая карала за вербовку для проституции, и только женщины рассматривались в ней как объекты преступления. Хотя в советском УК и существовала возможность применения санкций по аналогии в соответствии со ст. 10, гендерные представления законодателей в этом вопросе очевидны. Кроме того, некоторые юристы рассматривали в своих интерпретациях кодекса «половое сношение» гендерно специфически. Дело в том, что последнее подразумевало введение мужского детородного органа во влагалище. Из-за этого возникали споры. Так, казанский юрист Змиев рассматривал как объект изнасилования только женщин. Если жертвой преступления был мужчина, то он предлагал квалифицировать преступление по другой статье – ст. 167. В ней, помимо растления, использовалась формулировка – «удовлетворение половой страсти в извращенных формах», что действительно способствовало широким интерпретациям в зависимости от консерватизма судей. При этом Жижиленко и Оршанский, юристы из Ленинграда, заключали, что «половая неприкосновенность охраняется независимо от пола, но направляется главным образом на женщин» (Жижиленко, Оршанский, 1927, с. 4). Вацлав Ундревич, получивший образование в Саратове, также подчеркивал, что объектом деяния УК считается не только женщина, но и мужчина, и жена, и проститутка<sup>19</sup>. О важности такого подхода для советского правоприменения может говорить тот факт, что именно Ундревичу поручили написать статью про половые преступления в «Энциклопедии государства и права», где он подчеркнул, что УК РСФСР «считает каждого взрослого и дееспособного индивида имеющим право на свободное самоопределение своих половых отношений и защищает это право» (Ундревич, 1930).

К тому же гендерная нейтральность будет подтверждена и при принятии УК 1926 г., когда в процессе обсуждения А. В. Галкин, зампредседателя Верховного суда СССР, предложил

вместо «потерпевшего лица» написать «“женщина” прямо». Но и эта поправка была отклонена с комментарием Н. Крыленко, что в такой поправке нет нужды (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 27. Д. 59. Л. 105). Попытка вслед за дискуссиями юристов сделать в кодексе явной гендерную направленность статьи об изнасиловании, была встречена отказом. Гибкость раннесоветской юстиции и ее универсальная применимость продолжали оставаться приоритетами.

С другой стороны, защита женщин как отдельной группы также была целью законодательства. Это стало причиной появления самоубийства как квалифицирующего признака в статье об изнасиловании. Кроме того, в 1923 г. Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва постановила дополнить Уголовный кодекс и добавить статью 169-а, которая карала тремя годами за понуждение женщины ко вступлению в половую связь лицом, в отношении коего женщина является материально или по службе зависимой. Первоначальный проект статьи содержал продолжение статьи в виде «совершенное со злоупотреблением этой зависимостью», однако Крыленко в своем докладе отметил, что эти слова исключены юридической комиссией, так как дают повод «к некоторым казуистическим толкованиям» (Вторая сессия..., 1923). Стремление избежать казуистики и возможности усложнить судебную практику добавлением еще одного признака «злоупотребление» свидетельствует о прогрессивном характере советского законодательства, хотя в этом случае от злоупотреблений оберегались только женщины.

### **Заключение**

Проекты советских Уголовных кодексов, разработанных после революции, демонстрируют постепенную эволюцию в трактовке половых преступлений, отходя от дореволюционной парадигмы, в которой центральное место занимали охрана общественного порядка и нравственности. Даже наиболее либеральное Уложение 1903 г. по-прежнему делало акцент на девственности и возлагало ответственность за сексуальную безопасность на женщин. В советских проектах, напротив, постепенно утверждался иной подход, основанный на концепции половой свободы. Хотя первый эсеровский проект УК (Уложение 1918 г.) в значительной степени повторял нормы Уложения 1903 г., в нем уже появились более гендерно-нейтральные формулировки. Параллельно с этим военные действия и массовое сексуальное насилие, совершавшееся в годы Гражданской войны, усилили внимание государства к проблеме изнасилований. Возможно, именно этот опыт стал одной из причин того, что в советской уголовной теории отказались от нейтрального понятия «любодеяние», отдав предпочтение термину, напрямую подразумевающему агрессию в адрес личности, – «изнасилование». Вне военной сферы изнасилования, как и другие половые преступления, могли квалифицироваться и караться по-разному, так как конкретные правовые предписания в этой сфере отсутствовали.

В последующих, уже большевистских, проектах УК защита общественной нравственности трансформировалась сначала в защиту половой нравственности, затем – в защиту половой свободы. Однако эволюция в понимании объекта половых преступлений – личной половой свободы и неприкосновенности – сопровождалась определенными отступлениями, такими как возвращение в отдельных проектах УК статей о кровосмешении и мужеложстве. Финальный проект Уголовного кодекса 1922 г. в итоге регулировал наименьшее количество видов сексуального поведения и был наиболее гендерно нейтральным за всю историю российского права.

В то же время раннесоветские законодатели продолжали воспринимать женщин как особую группу, требующую защиты государства. Введение квалифицирующего признака (совершение самоубийства) в статье об изнасиловании отражало традиционный взгляд на него как на трагический рубеж, разрушающий жизнь женщины. Еще один вид преступлений – домогательства на рабочем месте – криминализировались только если были совершены в адрес женщин. С одной стороны, особую защиту женщин в сфере половых отношений можно трактовать как ущемление их равных прав, с другой стороны, как признание объективных различий полов. Интерпретации здесь могут разниться в зависимости от оптики, однако законодатели явно ставили цель защитить в первую очередь половую свободу женщин, а не мужчин.

Таким образом, советское уголовное право в своем понимании половых преступлений вышло далеко вперед и российского, и, в отдельных статьях, современного ему зарубежного законодательства, что неоднократно подчеркивали советские юристы. В контексте всей российской правовой истории 1920-е гг. представляют собой уникальный и специфичный период, который, подобно эпохе Великих реформ XIX в., характеризуется стремлением к глубоким социальным и правовым преобразованиям. Подход к половым преступлениям в этот период демонстрирует особую эмансипаторную направленность, отражая радикальный разрыв с традиционными представлениями о сексуальности и пониманием прав личности. С точки зрения юридической техники УК 1922 г. обладал рядом недостатков (например, нечеткие понятия половой зрелости и психического насилия). Однако, если взглянуть на свободы личности, которые провозглашал новый УК, а также на критерии понимания преступления, все это позволяло не только утвердить право на половую свободу, но и изменить процедуру доказывания по этим процессам и обеспечить возможность широкому кругу лиц, независимо от их гендерной, профессиональной или брачной принадлежности, обращаться в суд из-за посягательств на их половую свободу.

### Примечания

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01622.

<sup>2</sup> Защита половой свободы считалась в этот период также общественным интересом [Стетюха, 2016].

<sup>3</sup> Несмотря на включение статей о сводничестве в раздел о половых преступлениях, современными экспертами объектом этих преступлений рассматривалась общественная нравственность, а не личная половая свобода (Жижиленко, Оршанский, 1927, с. 5). Кроме того, в статистике осужденных в 1923 г., а также в 1924–1927 гг. отдельно считались половые преступления и принуждение к занятию проституцией, хотя и находились в одном разделе УК 1922 г. (Статистика осужденных..., 1927, с. 12; Статистика осужденных, 1930, с. 44).

<sup>4</sup> О кодификации советского права вообще [Швеков, 1970; Герцензон и др., 1948] Дэн Хили фокусируется прежде всего на статьях о половых преступлениях против несовершеннолетних и/или лиц мужского пола [Хили, 2008; Healey, 2009].

<sup>5</sup> В современном российском праве в целом сохраняется схема кодексов 1922–1926 гг., однако в статье об изнасилованиях их жертвой предполагается только женщина.

<sup>6</sup> Например, правовед П. И. Люблинский объяснял необходимость включения половых преступлений в УК в основном не через охрану половых свобод, а в направлении полового инстинкта в сторону размножения (Люблинский, 1925).

<sup>7</sup> В проекте Уложения 1903 г. половые преступления были перечислены в главе 27, состоящей из 16 глав.

<sup>8</sup> Санкции, которые могли применять ревтрибуналы ранжировались от выговора до расстрела в зависимости от обстоятельств и «революционной совести» трибуналов.

<sup>9</sup> Подробнее о массовых изнасилованиях в годы Гражданской войны [Тепляков, 2017].

<sup>10</sup> Уложение о наказаниях 1845 г. делало оговорку, что при совершении насильственного преступления в адрес женщины в Закавказском крае «над природной жительницей оного», возраст согласия понижался до 13 лет (ст. 1525 (1)).

<sup>11</sup> В Пермском окружном народном суде 5 июля 1918 г. подсудимый был осужден по ст. 1525 Уложения о наказаниях.

<sup>12</sup> Статья о мужеложстве появилась в УК РСФСР 1 апреля 1934 г. [Хили, 2008].

<sup>13</sup> Основные сроки лишения свободы по данной категории следующие: 25 % – от 1 до 3 лет; 25 % – от 5 до 10 лет; 37,5 % – от 3 до 5 лет; 12,5 % – от 3 до 6 месяцев (Якубсон, 1922, с. 3–4).

<sup>14</sup> Благодарю сотрудников Российской национальной библиотеки Татьяну Эдуардовну Шумилову и Илону Викторовну Транквилицкую, которые оказали неоценимую помощь в поиске проекта кодекса, на который во всех изданиях были неправильные ссылки. А также Александру Бессонову, настойчиво посоветовавшую к ним обратиться.

<sup>15</sup> Ст. 155. Раствление лица, не достигшего половой зрелости, карается лишением свободы на срок не ниже 4 лет со строгой изоляцией (Уголовный кодекс РСФСР, 1922а, с. 131).

<sup>16</sup> Крыленко и Черлюнчакевич в этот период являлись членами коллегии НКЮ, Саврасов занимал должность руководителя Центрального исправительно-трудового отдела при НКЮ РСФСР (ЦИТО).

<sup>17</sup> Ст. 160. Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с физическим растлением или всякое иное удовлетворение половой страсти в извращенных факторов, сопряженное с причинением физического повреждения или боли, карается лишением свободы не ниже четырех лет.

<sup>18</sup> Давид Борисович Рязанов (1870–1938), уважаемый в партии интеллигент, известный своей борьбой за демократизм и против излишней репрессивности, по свидетельству Курского, выступал также за исключение контрреволюционных преступлений из уголовного кодекса (*Курский*, 1927, с. 57).

<sup>19</sup> Саратовские юристы в эти годы отличались активной теоретической и активистской работой, в городе был организован собственный криминологический кабинет, городские места заключения издавали собственную прессу (*Совещание...*, 1926).

### Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 27. Д. 58. Л. 76 об.; Д. 59. Л. 105; Ф. А-353. Оп. 4. Д. 1. Л. 71; Д. 2. Л. 105–105 об.; Д. 301. Л. 6; Оп. 9. Д. 486. Л. 2.
- III Сессия ВЦИК IX созыва. Бюл. № 10. Протокол заседания 10.
- Вторая сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва. Стенографический отчет и постановления / РСФСР. М.: Издание ВЦИК, 1923. 261, 46 с.
- Жижиленко А.А., Орианский Л.Г.* Половые преступления. Л.: Рабочий суд, 1927. 112 с.
- Курский Д.И.* На путях развития советского права: статьи и речи 1919–1926. М.: Юрид. изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1927. 118 с.
- Курский Д.И.* Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2-4. С. 23–30.
- Лейбович Я.Л.* Судебная гинекология: рук-во для врачей и юристов. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1928. 350 с.
- Люблинский П.И.* Преступления в области половых отношений. М., Л.: Л.Д. Френкель, 1925. 246 с.
- Материалы Народного комиссариата юстиции. М.: Издание Народного Комиссариата юстиции, 1921а. Вып. 10. 55 с.
- Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 11–12. Протоколы III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, с приложением резолюций съезда. Пг., 1921b. 104, 10 с.
- Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 16–17. Стенограммы IV Всероссийского Съезда Деятелей Советской Юстиции (26–30 января 1922 г.). М.: Издание Народного Комиссариата юстиции, 1922. 192 с.
- Положение о революционных трибуналах, 20.11.19 // Собрание узаконений. 1919. № 58.
- Почтовый ящик // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 16. С. 15.
- Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Собрание узаконений. 1919. № 66. Ст. 590.
- Совещание судебно-мед. экспертов и работников суда и следствия Нижнего Поволжья. Саратов: Тип. № 2 Полиграфпрома, 1926. 151 с.
- Советское уголовное уложение: науч. коммент., текст, сравнительные таблицы / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев; под общ. ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2015. 253 с.
- Стучка П.* Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1–8.
- Статистика осужденных в СССР. 1923–1924. М.: ЦСУ СССР, 1927. 175 с.
- Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 г. М.: Б. и., 1930. 156 с.
- Уголовный кодекс РСФСР // Вестник советской юстиции на Украине. 1922а. № 2. С. 111–143.
- Уголовный кодекс РСФСР: Проект НКЮ, изм. на основании работ IV Всерос. съезда деятелей совет. юстиции и поступивших в НКЮ отзывов и замечаний (внесен в Совнарком в февр. 1922 г.). Казань, 1922b. 43 с.
- Уголовный кодекс РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов Свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении (изд. 1866 г.). М.: Тип. Шюман и Глушкова, 1867. 623 с.
- Ундревич В.А.* Половые преступления // Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка; Ком. акад. Секция общ. теории государства и права. Т. 3: [О–Ю]. М., 1930. 1184 стб.
- Френкель Е.П.* Половые преступления. 3-е изд. Одесса: Светоч, 1927. 32 с.
- Якубсон В.* Уголовная репрессия в первые годы революции (материалы к съезду деятелей юстиции) // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 4. С. 3–4.

### Библиографический список

- Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. История советского уголовного права: история советского государства и права. 1917–1947. М.: Юрид. изд-во, 1948. 465 с.
- Дурманов Н.Д. Первый советский уголовный кодекс // Советское государство и право. 1947. № 9. С. 29–41.
- Здравомыслова О.М. Как рождался «советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции в России // Демографическое обозрение. 2017. № 4(1). С. 124–143. EDN: ZGFNKZ.
- Звонарев А.В. Влияние российского законодательства на развитие уголовного права Латвийской Республики в 1918 – начале 1920-х годов // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 23 апреля 2020 г. М.: Саратовский источник, 2020. С. 104–108. EDN: EROJJC.
- Марков А.Р. Что значит быть студентом: работы 1995–2002 гг. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. 255 с. ISBN: 5-86793-369-5. EDN: QUCAWT.
- Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. II. Преступления против личности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 682 с.
- Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.
- Стетюха М.П. К вопросу о развитии понятия половых преступлений в отечественной уголовно-правовой науке 20-х – конца 80-х гг. XX в. // Вестник юрид. факультета Юж. федер. ун-та. 2016. № 3 (2-3). С. 76–86. EDN: XCBXVJ.
- Тепляков А.Г. «Сотни девушек стали женщинами...»: массовое сексуальное насилие со стороны партизан Сибири и Дальнего Востока (1918–1920 гг.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф., Иваново, 5–6 апреля 2017 г.: в 2 ч. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2017. Ч. 2. С. 448–452. EDN: ZQZRQF.
- Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства / подгот. Л.В. Бессмертных. М.: Ладомир, 2008. 714 с. ISBN: 978-5-86218-470-9. EDN: QOIDAD.
- Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс: учеб. пособие М.: Высшая школа, 1970.
- Энгельштейн Л. Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX вв. М.: Терра, 1996. 571 с.
- Borisova T., Burbank J. Russia's Legal Trajectories // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. No. 3. P. 469–508. DOI: 10.1353/kri.2018.0027. EDN: YBYITR.
- Juviler P. Women and Sex in Soviet Law // Women in Russia / ed. by D. Atkinson, A. Dallin, G.W. Lapidus. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1977. 410 p.
- Muravyeva M. Between Law and Morality: Violence Against Women in Nineteenth-century Russia // Women in Nineteenth-century Russia: Lives and Culture. 2011. P. 227–238.
- Muravyeva M. Legal Definitions of Sex Crimes in the Laws and Commentaries of Russian Lawyers (1860s–1910s) // Women's History in Russia: (Re)establishing the Field. 2014. P. 28–49.
- Naiman E. The Case of Chubarov Alley: Collective Rape, Utopian Desire and the Mentality of NEP // Russian History. 1990. No. 17(1). P. 3–30.
- Oberländer A. Shame and Modern Subjectivities. The Rape of Elizaveta Cheremnova // Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe. Northern Illinois University Press, 2011. P. 82–101.
- Rendle M. The State Versus the People: Revolutionary Justice in Russia's Civil War, 1917–1922. New York: Oxford University Press, 2020. 317 p.
- Solomon P.H. Criminalization and Decriminalization in Soviet Criminal Policy, 1917–1941 // Law & Society Review. 1982. No. 1. P. 9–43.

*Дата поступления рукописи в редакцию 01.08.2024*

## SEXUAL FREEDOM AND PROTECTION OF WOMEN: CHALLENGES OF CODIFICATION IN EARLY SOVIET CRIMINAL LAW

**M. I. Starun**

National Research University Higher School of Economics, Soyuza Pechatnikov str., 16, St. Petersburg, 190121, Russia

mstarun@hse.ru

Researcher ID: A-5165-2019

SPIN-код: 9345-0101

The article examines the process of early Soviet criminal codification of the section on sexual offenses, in the creation of which Bolshevik jurists sought to establish equality between men and women. The study consistently demonstrates the stages of the development of the 1922 Code, starting with the first decrees and ending with the 1926 edition of the Criminal Code. A detailed analysis of this process proves that the creation of the Code was not unilinear – the legislators did not initially seek to establish the concept of sexual freedoms and the gender neutrality of the articles. This criminal canon was born only in the process of repeated discussions at different levels – from democratically organized legal congresses to sessions of the SNK. The study also argues that despite all the progressive aspirations of the legislators, the Code retained a paternalistic approach to the protection of women, treating them as a special category in need of state care. The authors of the draft continued to present rape as a turning point in a woman's fate and included a separate article in the code that criminalized the coercion of solely women into sexual intercourse by persons on whom they depended financially or in service. At the same time, the protection of women was still motivated by ideas of sexual freedom rather than the traditional religious or marriage norms characteristic of pre-revolutionary criminal law. Because of their novelty, these norms in the area of sexual offenses were insufficiently developed in terms of legal technique, but they contributed to a change in evidentiary procedures and certainly increased access to justice for a wide range of people, regardless of their gender or marital status.

**Key words:** soviet law, RSFSR, codification, revolution, gender, sexual freedom, penal code, women's history, sexual crimes.

### Acknowledgments

This research has been conducted with financial support from the Russian Science Foundation [project No. 24-28-01622].

### References

- Borisova, T., & Burbank, J. (2018). Russia's legal trajectories. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 19(3), 469–508.
- Durmanov, N. D. (1947). The first Soviet penal code. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 9, 29–41.
- Engel'shtein, L. (1996). *Klyuchi schast'ya: Seks i poiski putey obnovleniya Rossii na rubezhe XIX-XX vv.* [Keys of happiness: Sex and the search for modernity in fin-de-siècle Russia]. Terra.
- Gertsenzon, A. A. (1948). *Istoriya sovetskogo ugolovnogogo prava* [History of Soviet penal law]. Yuridicheskoye izdatel'stvo.
- Gracheva, Yu. V., Malikov, S. V., & Chuchayev, A. I. (2015). *Sovetskoye ugolovnoye ulozheniye* [Soviet penal code]. Prospekt.
- Granik, L. (2017). The trials of the proletarka: Sexual harassment claims in the 1920s. In P. H. Solomon, Jr. (Ed.), *Reforming justice in Russia, 1864-1994* (pp. 131–167). Routledge.
- Healey, D. (2009). *Bolshevik sexual forensics*. Cornell University Press.
- Juviler, P. (1977). Women and sex in Soviet law. In D. Atkinson, A. Dallin, & G. W. Lapidus (Eds.), *Women in Russia* (pp. 243–265). Stanford University Press.
- Khili, D. (2008). *Gomoseksual'noye vlecheniye v revolyutsionnoy Rossii: regulirovaniye seksual'no-gendernogo dissidentstva* [Homosexual attraction in revolutionary Russia: Regulating sexual-gender dissidence]. Lodomir.
- Markov, A. R. (2005). *Chto znachit byt' studentom?* [What does it mean to be a student?]. Novoye Literaturnoye Obozreniye.
- Muravyeva, M. (2011). Between law and morality: Violence against women in nineteenth-century Russia. In W. Rosslyn & A. Tosi (Eds.), *Women in nineteenth-century Russia: Lives and culture* (pp. 227–238). Open Book Publishers.
- Muravyeva, M. G. (2014). Legal definitions of sex crimes in the laws and commentaries of Russian lawyers (1860s-1910s). In M. Ilic (Ed.), *Women's history in Russia: (Re)establishing the field* (pp. 28–49). Cambridge Scholars Publishing.

- Naiman, E. (1990). The case of Chubarov Alley: Collective rape, utopian desire and the mentality of NEP. *Russian History*, 17(1), 3–30.
- Oberländer, A. (2011). Shame and modern subjectivities: The rape of Elizaveta Cheremnova. In M. Steinberg & V. Sobol (Eds.), *Interpreting emotions in Russia and Eastern Europe* (pp. 82–101). University of Pittsburgh Press.
- Korobeev, A. I. (Ed.). (2008). *Polnyy kurs ugovnogo prava: V 5 t. T. 2: Prestupleniya protiv lichnosti* [Complete course of criminal law: In 5 vols. Vol. 2: Crimes against the person]. Yuridicheskiy tsentr Press.
- Rendle, M. (2020). *The state versus the people: Revolutionary justice in Russia's Civil War, 1917-1922*. Oxford University Press.
- Shvekov, G. V. (1970). *Pervyy sovetskiy ugovnnyy kodeks* [The first Soviet penal code]. Vysshaya shkola.
- Solomon, P. H., Jr. (2008). *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet criminal justice under Stalin]. ROSSPEN.
- Solomon, P. H., Jr. (1982). Criminalization and decriminalization in Soviet criminal policy, 1917-1941. *Law & Society Review*, 16(1), 9–43.
- Stetiukha, M. P. (2016). On the development of the concept of sexual crimes in Russian criminal law science from the 1920s to the late 1980s. *Vestnik Yuridicheskogo Fakul'teta Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta*, 3(2-3), 76–86.
- Tepliakov, A. G. (2017). "Hundreds of girls became women...": Mass sexual violence by partisans of Siberia and the Far East (1918-1920). In *Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov: Materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: v 2 chastyakh. Chast' 2* [State, Society, and the Church in the History of Russia in the 20th-21st Centuries: Proceedings of the 16th International Scientific Conference: in 2 parts. Part 2] (pp. 448–452). Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet.
- Zdravomyslova, O. M. (2017). How the "Soviet patriarchy" was born: Grigoriy Batkis on the sexual revolution in Russia. *Demograficheskoye obozreniye*, 4(1), 124–143.
- Zvonarev, A. V. (2020). Influence of Russian legislation on the development of criminal law of the Republic of Latvia in 1918-early 1920s. In *Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire: tendentsii, riski, perspektivy razvitiya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora F.M. Rudinskogo (g. Moskva, 23 aprelya 2020 g.)* [Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects: Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the memory of Professor F.M. Rudinsky (Moscow, April 23, 2020).] (pp. 104–108). Saratovskiy istochnik.